

Дамы и господа! Я польщен приглашением Елены Сахаровой-Боннэр выступить перед вами в день 65-летия Андрея Сахарова. Вряд ли я, американец, смогу вам сказать что-либо новое о Сахарове. Но мы, американцы, не соглашаясь друг с другом во многом, заодно в том, что любой человек вправе высказаться открыто по любому поводу.

Поэтому я решил говорить об Андрее Сахарове, но адресуясь не к американцам, а к советским руководителям, — и написал письмо Анатолию Добрынину.

Я никогда не встречался с ним, но многие мои друзья в Вашингтоне говорили мне, что относятся к нему с уважением. Они говорили, что он вежлив и что он — лучший и наиболее осведомленный представитель Советского Союза в нашей стране за последние годы. Как вы знаете, его отозвали в СССР, и там он занял пост, следующий после Горбачева по важности. По-видимому, его основным занятием будет объяснять Горбачеву, что думают американцы. Возможно, Добрынин лучше других понимает, насколько американцы озабочены судьбой Сахарова. Возможно, он понимает, что прерываемые телефонные разговоры и исходящие из Горького побасенки о благополучном житье Сахаровых производят весьма отрицательное и неизгладимо мрачное впечатление на людей в тех странах, которые могут быть самыми полезными партнерами СССР в решении международных проблем.

Позвольте мне зачитать вам мое письмо Добрынину.

Уважаемый господин посол!

Сегодня — день 65-летия Андрея Сахарова, и я нахожусь в зале заседаний Конгресса Соединенных Штатов вместе с Еленой Боннэр-Сахаровой и организаторами этого приема — американс-

кими сенаторами, конгрессменами и другими уважаемыми людьми, которые собрались, чтобы чествовать Андрея и Елену Сахаровых и обсудить, как лучше всего ходатайствовать о них перед советским руководством.

Напомню Вам, что происходило с ними начиная с 1968 года, когда Андрей Дмитриевич высказал свои соображения по вопросам внутренней и внешней политики СССР, соображения, с которыми прежние руководители партии не были согласны:

- во первых, его отстранили от всех работ по обороне;
- во-вторых, ему не дали продолжать его научную работу;
- в-третьих, дети Елены Боннэр, к которым Андрей Сахаров относится как к своим и которые жили вместе с ними, вынуждены были покинуть страну вместе со своими детьми, и мать Елены Боннэр-Сахаровой тоже покинула СССР (она хотела бы прожить оставшиеся ей годы в Москве, если бы она не была при этом разлучена с дочерью);

– в-четвертых, в 1980 г. вдруг выяснили, что Сахаровы слишком опасны, чтобы можно было позволить им разговаривать с кем бы то ни было, и их отправили в ссылку в Горький, где Андрей Сахаров находится до сих пор, и куда скоро возвратится его жена;

– в-пятых, Сахаровы обречены быть свидетелями того, как их друзей, не имеющих таких заслуг перед СССР как Сахаров и еще менее чем он защищенных от преследований, отправляют в тюрьмы и лагеря за участие в работе Хельсинкских групп, хотя Советский Союз подписал Заключительный Акт совещания в Хельсинки 1 августа 1975 г., где подтверждается

«... право лиц знать свои права и обязанности в этой области и поступать в соответствии с ними...».

В Горьком Сахаровы не могут жить нормальной жизнью. Они находятся под постоянным наблюдением КГБ. У них периодически конфискуют их книги и записи. Людей предостерегают от разговоров с Сахаровыми. Они не могут свободно общаться ни с кем. Им не разрешают встречаться с друзьями. Даже позвонить по телефону очень трудно, так как рядом с домом нет телефона. Но, чтобы убедить мир, что Андрей Сахаров живет

как все остальные граждане, снимают на кинолентку его визиты к врачам и затем передают эти пленки на Запад. Кому это наносит больший ущерб – Сахарову или Советскому Союзу?

За последние годы Сахаров был вынужден несколько раз прибегнуть к отчаянному способу протеста – к голодовкам, особенно опасным для его здоровья из-за болезни сердца. В первый раз он голодал, чтобы добиться разрешения на выезд из СССР к мужу в США его невестке, и затем еще несколько раз – чтобы Елена Боннэр могла поехать в Италию для чрезвычайно необходимой ей операции глаз и в США для операции сердца.

Таковы факты.

Никто не сомневается, что Ваше государство может проделывать все это с Сахаровым и с любым другим человеком, живущим в СССР. Но вот вопрос: при всех чрезвычайных мерах, принятых, чтобы утихомирить Сахарова, что вы выиграли?

Действительно, в последнее время Андрей Сахаров лишен возможности открыто обращаться к международной общественности со своими соображениями по внешнеполитическим проблемам, но несмотря на это, его идеи, например, о необходимости контроля над ядерными вооружениями и разоружения стали уже частью официальной политики вашего правительства.

Изоляцию Сахарова нельзя оправдать и якобы существующей опасностью раскрытия какой-то информации, представляющей военную тайну, хотя бы потому, что он не имеет доступа к такой информации уже долгое время. Трудно поверить, что данные 20-летней давности чего-либо стоят в теперешнем быстро меняющемся мире.

Наконец, Вы, может быть, полагаете (хотя есть много доводов против этого), что судьба Сахарова покажет другим, что ждет того, кто посмеет открыто высказать свои мысли, и таким образом будет обеспечено молчание тех, кто хотел бы, как Сахаров, высказать вслух или написать, что он думает.

Теперь посмотрим, господин посол, что потеряло советское руководство, преследуя Андрея Сахарова и Елену Боннэр.

Во всем мире тысячи думающих и образованных людей, встречаясь с представителями Вашего государства, прежде всего вспоминают о судьбе Андрея Сахарова и Елены Боннэр. Еще важнее, что на примере Сахаровых они убедились, что никто из со-

ветских специалистов, с которыми они имеют дело, не может свободно высказать свое мнение. Возникло недоверие, мешающее взаимопониманию между лучшими умами вашей страны и других стран. У этих людей есть дети и внуки, и они понимают, что решение международных проблем зависит от обеих сторон, и что в первую очередь это относится к американо-советским отношениям.

Американская Академия наук недавно возобновила научный обмен с советскими учеными. Уверены ли Вы, что эти контакты будут продолжаться, если положение Сахаровых не изменится к лучшему? Я знаю, что многие ученые серьезно заинтересованы в этом, и сомневаюсь, что научный обмен удастся продолжить, если их коллега останется в заключении.

Они не прекращают контакты, считая, что при этом возникают возможности для переговоров, но они прекратят их, если почувствуют себя виновными в том, что дали использовать себя для чуждых им целей, безуспешно пытаясь помочь коллеге. С их стороны это будет акт отчаяния – они вынуждены будут отказаться от улучшения отношений с советскими коллегами, если утратят веру в возможность служить прогрессу, поддерживая контакты со страной, в которой символом преследования инакомыслящих стала расправа над одним из лучших ее умов.

Вы поощряете контакты советских издательств с издательствами других стран. Но Вы не допускаете на Московскую книжную ярмарку издательства, которые на практике поддерживают свободный обмен мыслями, не публикуете и изгоняете из страны тех ваших писателей, которых зарубежные издательства публикуют.

Сахаровы – самый известный пример. Подумайте, – ведь и издатели окажутся перед теми же проблемами, что и ученые.

Сейчас контакты между Западом и СССР налаживаются в разных областях: людям хочется верить, что господин Горбачев сознает, особенно после Чернобыля, полезность контактов с Западом, что такие контакты улучшают взаимопонимание между народами и что это возможно лишь при свободном потоке идей, невзирая на межгосударственные границы.

Сейчас во многих странах и частные лица и организации готовы к контактам с Советским Союзом ради общего блага.

Господин посол, Вы провели много лет в Соединенных Штатах. Если мои друзья правильно мне Вас охарактеризовали, Вы обязаны понимать, что изменение отношения к Сахаровым произведет сильное психологическое воздействие на всех, кто не только не хочет зла ни СССР, ни США, а напротив, стремится к прекращению соперничества между ними, особенно в области вооружений, и мечтает, чтобы соперничество сменилось эрой сотрудничества. Важно подать знак об этом. Освобождение Сахаровых никому не принесет вреда. Продолжение же их заточения мешает многому. Я надеюсь, что Ваш ум и опыт говорят Вам то же самое.

Искренне Ваш Роберт Бернстин

Дамы и господа, спасибо за внимание.